

0-785159

На правах рукописи

УДК 821.0

Сузрюкова

СУЗРЮКОВА Елена Леонидовна

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

Специальность 10.01.01 – русская литература
(филологические науки)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск 2010

Работа выполнена на кафедре русской литературы и теории литературы
государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Новосибирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
Меднис Нина Елисеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Анисимов Кирилл Владиславович;
кандидат филологических наук
Лозюк Наталья Юрьевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 9 апреля 2010г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета
Д 212.172.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических
наук при ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» по
адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Новосибирского государственного
педагогического университета.

Автореферат разослан «3» марта 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000681008

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.Ю. Булыгина

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена исследованию функций и семантики визуальных образов в творчестве Чехова. Визуальный образ есть описание реально наблюдаемого или представляемого объекта, включенного в нарративную структуру художественного текста либо в структуру текста эпистолярного.

Степень разработанности проблемы. До настоящего момента в исследованиях по творчеству Чехова, которые так или иначе могут быть соотнесены с проблемой визуальности, изучение шло по двум основным направлениям. С одной стороны, рассматривалась образная система, воплощенная в текстах писателя, однако без акцента именно на визуальных особенностях изображаемого. Чаще всего ученые говорят о «зрительности», когда речь заходит о детали (А.П. Чудаков). В текстах Чехова деталь не только имеет конкретное предметное значение, но также несет на себе отпечаток субъективного видения смотрящего (В.Я. Лакшин). Об особой роли наблюдателя в художественном мире Чехова говорят Э. Полоцкая и А.П. Чудаков. Фигура наблюдателя является здесь ключевой, она задает восприятие (в том числе и визуальное) как отдельных образов, так и всей изображенной картины в целом.

С другой же стороны, литературоведы немало внимания уделяют истолкованию моментов «внутреннего» видения в поэтике Чехова. Особую важность приобретает здесь «визуальный» термин «прозрение». Л.М. Цилевич, говоря о прозрении применительно к построению чеховского сюжета, разделяет взгляд наблюдателя, «погруженного в поток жизни», и авторский взгляд на события, «точку зрения, вознесенную над жизнью». Прозрение в этой системе мыслится исследователем как осуществляемое в сознании наблюдателя утверждение жизненной нормы. О прозрении как событии «невидимом» пишет В.Б. Катаев. По существу, эти два подхода не противоречат друг другу, в них выражена мысль о том, что прозрение связано именно с ментальным планом изображения. Однако в обоих случаях прозрение не рассматривается в его отношении к образной системе, их взаимосвязь здесь неясна.

Кроме того, имеются отдельные исследовательские работы, в которых учёные касаются визуальности в текстах Чехова, хотя прямо её и не изучают. Так, Н.Е. Разумова говорит о необходимости рассмотрения проблемы сенсорного восприятия в творчестве Чехова в связи с проблемой гносеологического постижения человеком мира. А.Д. Степанов исследует соотношение вербального и визуального рядов у Чехова в процессе коммуникации.

Понятие «визуальность» и связанные с ним понятия «видение» и «зрение», которые являются ключевыми для нашего исследования, рассматривают философы и психологи, искусствоведы и филологи. Первые изучают соотношение видения и психологии восприятия,

а также видения и мышления (монографии В.М. Розина, И.И. Козлова, Р. Анхейма, М. Осьмакова, статьи В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, В.М. Гордона). Вторые же рассматривают соотношение видения и культуры (в широком понимании). В монографии Н. Дмитриевой подчеркивается неразрывность связи видения с субъектом видения, или наблюдателем. Об этом же говорит и М. Ямпольский, который, четко разграничивает понятия «зрение» и «видение». «Зрение относится скорее к области физиологии и оптики», а видение включает в себя помимо зрения весь комплекс явлений, связанных с психологией восприятия, и к тому же оно обогащено культурой и социальным опытом. В данной интерпретации понятие «зрение» становится включенным в более широкую область — «видение», синонимичную у М. Ямпольского с понятием «визуальная сфера».

В большинстве исследований, касающихся проблемы визуальности, речь идет не только и не столько о зрении, сколько о видении и его особенностях применительно к поэтике того или иного автора. К числу таких работ можно отнести монографии В. Колотаева, Д. Замятина, отдельные главы из монографий В.Н. Топорова, Т.И. Печерской, М.Г. Уртминцевой, статьи Е.В. Душечкиной, Л.Е. Ляпиной и др.

Существуют также работы, посвященные осмыслению инструментального зрения (П. Вирильо, М. Ямпольский), визуальных характеристик произведений изобразительного искусства (В. Пивоваров, В.И. Жуковский), а также исследования экфрасиса (М. Рубинс, Л. Геллер, Р. Ходель и др.).

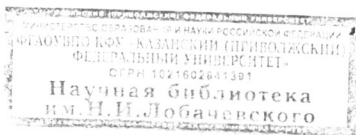
Растущий интерес к проблемам визуальности в философии, литературоведении, искусствоведении, неполнота разработанности обозначенного круга проблем, а также неполнота изученность визуальной сферы в творчестве Чехова, определяют **актуальность** настоящей работы, включенность ее в современный научный контекст.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и описании визуальной сферы в художественном мире Чехова, которая не была до настоящего времени предметом специального изучения. Проведён подробный анализ таких «компонентов» данной сферы, как поле видения, способы и средства видения, визуальные модели. Кроме того, рассмотрен взгляд наблюдающего персонажа в аспекте его направленности, а также объекты визуальных искусств.

Объектом диссертационного исследования являются визуальные образы в художественном мире Чехова.

Предмет данной работы – функции и семантика визуальных образов в текстах Чехова.

Материалом исследования послужили рассказы и повести Чехова, также использовались письма и пьесы автора.

Цель данной работы — рассмотреть семантику, функции и формы визуальности в прозаических произведениях Чехова.

Целью исследования обусловлены следующие **задачи**:

- 1) определить границы поля видения чеховского наблюдателя, рассмотреть структуру, модификации и смысловые вариации этого поля;
- 2) изучить направленность взгляда чеховского наблюдателя, выявить ее сюжетную роль;
- 3) систематизировать средства и способы видения, реализующиеся в текстах Чехова; описать их семантику и сюжетную роль;
- 4) рассмотреть значение и функции визуальных искусств в художественной прозе Чехова; проанализировать визуальные модели, с ними связанные.

Методологию исследования составляет аналитико-описательный метод. Применение данного метода обусловлено характером исследования. Методологической базой являются работы А.П. Чудакова, Л.М. Цилевича, Э.А. Полоцкой, В.Я. Лакшина, И.Н. Сухих, Н.Е. Разумовой о поэтике Чехова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В чеховских текстах отчетливо выражена позиция наблюдателя, воспринимающего мир главным образом через визуальную сферу. При этом визуальный «контекст», окружающий наблюдателя, имеет сложное устройство; он «прочитывается» через многофокусное видение смотрящего. Видимый мир в текстах Чехова имеет отпечаток субъективного восприятия наблюдателя.
2. В ранний период творчества Чехова визуальные образы связаны с воплощением концепции алогичности мира, функция наблюдателя здесь – отслеживать несообразности в мире и обыгрывать их; в зрелых текстах Чехова реализована установка на осмысление мира и стремление вписаться в этот мир.
3. Свойство направленности взгляда наблюдателя формируется в зрелый период чеховского творчества, оно связано с осмыслением мира, понимаемым как путь, по которому следует двигаться герою, отсюда – значимость понятий пространства и направленности взгляда.
4. Поле видения наблюдателя в прозе Чехова существует в двух модификациях: расширенное и суженное. Расширение границ видения связано с панорамным зрением и локализацией взгляда, направленного в окно (в реальном плане), а также с ситуациями воспоминания, воображения и удивления (ментальный план). Сужение зоны видения сопряжено с фиксированным взглядом и взглядом на занавешенные окна; с факторами

внешнего порядка, препятствующими взгляду рассмотреть пространство, им созерцаемое; с состояниями скуки, привычки, ситуацией забвения.

5. Средства и способы видения открывают для наблюдателя значимость его собственной активности, без которой видение поверхностно; в ранних текстах Чехова средства и способы видения используются для создания и обыгрывания комических ситуаций, в поздних – для осмысления субъектом мира и своих взаимоотношений с ним.

6. Образы визуальных искусств могут быть представлены как развернутое описание или же редуцируются до простого упоминания или названия. При описании в тексте изображения — картины, гравюры, фотографии — в центре оказывается не фон, но фигура, соотносимая с персонажами повествования. При этом взгляд наблюдателя «выхватывает» самое заметное в изображении, не вглядываясь в него. В ранних текстах Чехова названные изображения используются как элемент при обыгрывании комической ситуации, в поздних – как способ постижения мира персонажем или же осмысления им своего места в мире;

7. В ранних рассказах Чехова реализуется визуальная модель зрелища, которая удобна для обыгрывания всевозможных комических ситуаций, в поздних рассказах и повестях — модель театра, связанная уже с осмыслением героем действительности и своей роли в ней.

Теоретическая значимость данного исследования определяется его включённостью в актуальную проблематику современного литературоведения. Изучение смысловых отношений вербального и визуального рядов позволяет обозначить и осмыслить важнейшие семиотические, культурологические, философские проблемы. Выявленные в ходе работы составляющие визуальной сферы, представленные в художественном мире Чехова, – субъект видения, поле видения, способы и средства видения, образы визуальных искусств, визуальные модели – создают основу для изучения визуальной сферы как в дочеховской, так и в послечеховской литературной традиции.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения материалов диссертации в вузовских курсах истории русской литературы, введения в литературоведение, анализа и интерпретации текста, спецкурсах по поэтике Чехова, в работе литературоведческих и искусствоведческих спецсеминаров.

Рекомендации по использованию результатов исследования. Основные положения работы целесообразно применять в преподавании русской литературы последней четверти XIX века, в спецкурсах и спецсеминарах, посвящённых личности и творчеству Чехова, а также при изучении традиции функционирования визуальных образов в русской словесной культуре.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде научных докладов на аспирантских семинарах филологического

факультета Новосибирского государственного педагогического университета, а также на следующих конференциях: на Конференции молодых ученых (Новосибирск, апрель 2006); на Научной конференции молодых ученых (Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, апрель 2006); на Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» НТИ – 2006, направление «Гуманитарные науки и современность» (НГТУ, Новосибирск, 2006); на Конференции молодых ученых (Новосибирск, апрель 2007); на III Всероссийской с международным участием конференции «Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе» (ТГПУ, Томск, февраль 2008); на Конференции молодых ученых (Новосибирск, апрель 2008); на Конференции молодых ученых (Новосибирск, апрель 2009). По теме исследования имеются шесть публикаций.

Структура работы. Работа объемом 178 страниц состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы, включающего 222 наименования.

Основное содержание работы

Во **введении** излагаются цели и задачи работы, определяется актуальность и новизна исследования, его методология и теоретическая значимость, содержится краткая характеристика современного состояния проблемы.

В первой главе **«Поле видения и направленность взгляда в художественной прозе А.П. Чехова»** рассматриваются функции поля видения и направленности взгляда персонажа в прозе писателя в плане расширения и сужения зоны видения и векторной ориентированности. В **первом параграфе** рассматриваются границы, в которых реализуется взгляд наблюдателя, а также вписанные в них объекты. Поле видения наблюдателя способно расширяться и сужаться. Расширение поля видения происходит в текстах Чехова при созерцании наблюдателем панорамы, при взгляде его через окно, а также в том случае, когда сквозь занавешенные или замороженные окна внутрь помещения проникает солнечный свет. В рассказах и повестях Чехова представлены панорамы разных типов: солнечные и сумеречные, ночные. Солнечные панорамы нередко выполняют организующую роль, поскольку вводятся в начале или в конце текста («Перекасти-поле», «О любви», «Поцелуй» и др.). Созерцая панораму, освещенную солнцем, персонаж переживает единение с миром, переосмысливает прожитое. Здесь актуализируется семантика, изначально присущая изображению солнца как Всеведающего Ока, при взгляде на которое наблюдатель начинает осознавать то, чего не понимал прежде. Развертывание ночных и сумеречных панорам выстраивается благодаря источникам света различной природы: это могут быть луна, месяц,

звезды, костер, освещенные окна, огни, свечи, зажженные спички. В отличие от солнца, позволяющего наблюдателю созерцать линию горизонта и визуальные объекты, заполняющие пространство, все названные здесь источники света концентрируют внимание наблюдателя преимущественно на себе, а то, что освещается ими, создает представление не о целостном мире, а о мире фрагментарном, зыбком, неустойчивом, наполненном тенями, силуэтами, контурами предметов и людей. Различная степень удаленности от наблюдателя источников света формирует пространственный образ мира, порой довольно протяженный («Огни», «Страх», «Свирель», «В овраге» и пр.). Неотчетливо видимый мир своеобразно «отражается» во внутреннем мире наблюдателя, порождая хаотичность в восприятии, переживаниях и их оценке. Введение панорамы в текст может осуществляться при взгляде наблюдателя через окно. Такой взгляд преодолевает стеклянную преграду, не фиксируясь ни на самом стекле, ни на раме, в которую стекло вправлено. Освещенное окно, наблюдаемое извне, одновременно выступает и объектом визуального восприятия, и средством расширения границ видимого. В текстах Чехова роль освещенного окна может выполнять растворенная или стеклянная дверь, не препятствующая взгляду проникать через границу дома («В сарае», «Дом с мезонином», «Поцелуй» и др.). Замороженные или занавешенные окна, пропускающие солнечный свет, также способствуют расширению поля видения наблюдателя, находящегося внутри помещения, так как не только позволяют более четко увидеть объекты, заполняющие внутреннее пространство, но и добавляют к созерцаемому новые визуальные объекты – солнечные лучи, пятна, полосы света («Событие», «Тиф» и др.). Таким образом, расширение поля видения может происходить как в пределах малого, так и в пределах большого пространства при соответствующих этому условиях.

В ментальном плане расширение поля видения связано с ситуациями воспоминания, воображения, заинтересованности и удивления, а также с состоянием гипермнезии (рассказ «Архиерей»).

Сужение поля видения наблюдателя в реальном плане осуществляется при взгляде, фиксированном в точке, при взгляде на закрытые и занавешенные окна, в тех случаях, когда зону видимого ограничивают факторы внешнего порядка (пыль, туман, дым, дождь, снег). В ментальном плане суженное поле видения увязано с состояниями скуки, привычки, с ситуацией забвения («Почта», «Ионыч» и др.).

Перетекание поля видения от расширенного к суженному и наоборот маркируется в текстах Чехова пересечением границ, будь то границы пространственные или же границы сна и яви, грезы и реальности. Ситуация разочарования сопровождает сужение расширенного прежде поля видения («Зеркало», «Сапожник и нечистая сила»). Ситуации же надежды, ожидания счастья соприсутствуют с моментами расширения поля видения («На

подводе», «Невеста», повесть «Три года» и др.). В пространственном плане расширение поля видения происходит по мере распространения солнечного света и преобразования света в цвет. В текстах Чехова расширение поля видения переживают герои, способные к внутреннему изменению, духовному росту. Толчком к этому может служить разговор, рефлексия, сильная эмоция. Герои данного типа могут впадать в заблуждение, но и такой опыт может обогатить их внутренний мир. В обозначенный здесь контекст вписывается фигура героя-странника, которым является у Чехова не столько тот, кто пересекает большое пространство, сколько герой, который в процессе личностного пути проходит различные стадии духовного развития.

В главе рассматриваются также эксперименты с полем видения читателя в ранних рассказах Чехова, где поле видения персонажа еще не было выстроено в определенную систему.

Во втором параграфе подробно анализируется свойство направленности взгляда чеховского наблюдателя, а также связанные с ним параметр глубины видения и сюжетное развитие линии героя. Выстраивается типология взглядов, базирующаяся на основании вектора, по которому осуществляется реализация направленности взгляда. Наибольшей степенью глубины видения в чеховском художественном мире обладают следующие из рассмотренных нами типов взглядов: взгляд вверх, в небо, освобождающий героя от течения бытового времени и вовлекающий его в иные временные координаты – инобытия, вечности мироздания или истории; зоркий взгляд в даль, связанный со смыслом другой жизни, отличной от той, какой живет наблюдатель; взгляд (в ментальном плане), обращенный персонажем в свой собственный внутренний мир, протекающий в форме воспоминания. Специфичен для текстов Чехова взгляд, направленный на освещенный солнцем водный источник или лед. Перечисленные типы взглядов позволяют чеховскому герою переживать единение с миром, ощущать его гармоничность, красоту, чувствовать свою сопричастность миру.

С заблуждением героя, его внутренней слепотой связаны в поэтике писателя угодливый взгляд вверх чиновника низшего ранга на того, кто занимает более высокое место на социальной лестнице; взгляд вниз, на отраженное в воде вечернее или ночное небо; взгляд, направленный вниз, в землю, в яму или овраг; высокомерный взгляд, брошенный сверху вниз. К данным типам взглядов примыкают мнимое прозрение и духовная слепота, выражающие особое внутреннее состояние чеховских героев, которое задает их восприятие действительности. Семантической доминантой названных типов взглядов является переживание героями дисгармонии с миром.

Среди других типов взглядов в текстах Чехова есть чередующиеся взгляды, направленные то влево, то вправо, а также на близкие и далёкие от наблюдателя объекты. Они связаны исключительно с ориентацией героя в пространстве. Взгляд назад и взгляд во тьме, переориентированный извне внутрь, связаны с мотивом воспоминания. Взгляд назад – не только взгляд в прошлое, но и точка завершения определенного жизненного этапа, момент значимого для персонажа расставания и одновременно начала нового витка жизни. Взгляд во тьме не направлен ни на какие видимые объекты; он представляет собой вариант реализации мотива слепоты, в какую погружен герой в течение определенного времени. Однако для персонажа это возможность сосредоточиться на своем внутреннем мире, соприкоснуться с сердцевиной своего «я». В чеховских текстах есть также типы взглядов, по семантике тесно сплетающиеся с эмоциональной сферой. Это взгляд героев друг на друга, на вещи, а также взгляд снизу вверх, на того, к кому персонаж испытывает сильное чувство.

Направленность взгляда как развитая система складывается в зрелом творчестве Чехова и связана она, прежде всего, с осмыслением отношений между человеком и миром. В ранних же текстах данная система только намечается. Здесь актуальна другая проблема – поиск опоры в бытии. Наблюдатель только отслеживает несообразности и обыгрывает их.

Чеховский герой существует в мире, который ему необходимо осваивать визуально. Изменение направленности взгляда – новый шаг к познанию мира, но также и к определению своего места в мире, а, в конечном счёте, к постижению возможностей реализации собственного личностного потенциала.

Во второй главе **«Способы и средства видения в рассказах и повестях Чехова»** рассматриваются визуальные образы, выступающие в роли средств видения, а также способы видения, реализованные в структуре повествования.

В первом параграфе выявляются и описываются основные виды оптических иллюзий, представленные в рассказах и повестях Чехова. Это идентификация, которая только кажется наблюдателю мнимой, и трансформация наблюдаемого, связанная с изменением внешних условий видения: она осуществляется по мере приближения наблюдателя к видимому объекту, при условии более интенсивного освещения и пр. В первом случае наблюдатель испытывает сомнение, неуверенность в том, что увиденное действительно ему знакомо. Такова ситуация, колеблющаяся на грани ситуаций узнавания и неузнавания в рассказах «Двое в одном», «Архиерей». В другом случае наблюдатель принимает увиденное за то, чем оно не является. Подобные ситуации есть в рассказах «Страхи», «Кошмар», «Святою ночью». Оптическая иллюзия оказывается, кроме того, сопряженной с душевным состоянием персонажа, ее переживающего, с его эмоциональным настроением.

При введении в текст оптической иллюзии используются определённые слова-маркёры. Словосочетание «оптический обман» возникает в тех случаях, когда увиденное персонажем фиксирует повествователь. В тех же случаях, когда оптическую иллюзию переживает персонаж, в тексте появляются безличные конструкции с семантикой кажимости с глаголами «казалось», «показалось», «представилось» или с семантикой неуверенности, когда используется сочетание слов «верить и не верить своим глазам». Кроме того, в этих случаях часто употребляется в текстах неопределённое местоимение «что-то».

В ранних рассказах Чехова оптические иллюзии разнообразны, а разоблачение их способствует обнаружению алогичности мира. Оптические иллюзии здесь позволяют наблюдателю выявить несообразности, заложенные в бытии и реализованные на уровне визуальных образов. В поздних же текстах Чехова оптические иллюзии тесно сплетены с сюжетной линией персонажа, их переживающего. В частности, в рассказах «На подводе», «Архиерей», пьесе «Вишневый сад» объектом оптической иллюзии становится мать персонажа. Эти оптические иллюзии соотносятся, кроме того, с мучительным ощущением неписанности в бытие чеховского героя и со стремлением его установить связь с миром посредством восстановления утраченных отношений с матерью.

Оптическая иллюзия в текстах Чехова способна вскрыть иллюзорность привычного мира, в котором ложное кажется более правдоподобным, чем истинное. Вместе с тем, переживание оптической иллюзии дает наблюдателю возможность перейти от поверхностного взгляда к более пристальному и глубокому, указывая на то, что не всегда видимое совпадает с истинным.

Во втором параграфе рассматривается способ организации чеховского повествования, метафорически соотносимый с явлением астигматизма. Речь идет не о зрительном дефекте, но о создании многофокусности повествования. Здесь имеется в виду устройство отдельно взятой точки зрения, представляющей собой единство рассеянных, дискретных единиц, несводимых друг к другу, что порождает расплывчатость, неопределенность при восприятии. Сложное устройство точки зрения на изображаемое и производит подобный эффект восприятия, когда единого непререкаемого суждения, к примеру, о персонаже, в тексте Чехова нет, но зато есть рассогласование нескольких оценочных моментов, слагающихся в нечто целое. В ранних чеховских рассказах данный способ служит для создания и обыгрывания комичных ситуаций, то в поздней прозе Чехова он позволяет организовать систему сложных семантических соотношений, задающих многослойность прочтения текста.

Третий параграф посвящен анализу видов, семантики и функций инструментального зрения. Инструментальное зрение есть зрение, опосредованное оптическими приборами. В эпистолярной писателем пьесе и очки приобретают смысл необходимого автору условия

полноценной жизни. Чехов много пишет о поломках и потерях своих очков и пенсне, адресует просьбы близким и знакомым найти нужный рецепт на стёкла, прислать ему забытые очки или купить новые. В письмах 90-х годов упоминание очков и пенсне в определенном контексте позволяет осмысливать их как продолжение тела, как нечто более близкое автору, чем оптический инструмент. Очки и пенсне выражают здесь значение устранения дистанции между субъектом и миром, выступают в качестве средства, используя которое, субъект может вписываться в мир, преодолевая собственную неполноценность в сфере видения. В художественных же текстах Чехова данные приборы наделяются совершенно иными смыслами, полярно противоположными названным. Пенсне в рассказах и повестях Чехова нередко – атрибут женского персонажа, выполняющего роль внешнего украшения, будучи помещенным в одном ряду с драгоценностями или предметами бижутерии («Загадочная натура», «В родном углу», «Невеста»). Мужские персонажи – обладатели пенсне – выделяются нелепыми манерами, такими, как картавость («Ариадна») или многословие («В усадьбе»). Все это внутренне бессодержательные герои.

Очки в ранних рассказах Чехова служат средством усложнения точки зрения на событие, когда известное событие рассматривается в новом, неизвестном до определённого момента, ракурсе, вследствие чего обнаруживается суть происшедшего. Чтобы переоценка события совершилась, в ранних произведениях писателя персонажу требуется надеть очки и прочесть некий текст, содержащий важное сообщение («Идиллия – увы и ах!», «Радость», «Из воспоминаний идеалиста»). Очки здесь, таким образом, оказываются средством смены точки зрения на события: сначала персонажа, а затем читателя. В ранних рассказах Чехова очки нередко включены в юмористическое обыгрывание ситуации или мысли рассказчика («Мои остроумия и изречения», «Экзамен», «Темпераменты»). Наряду с этим в ряде текстов писателя появляются очки, которые не выполняют своей прямой функции в силу различных причин: запотевания («Речь и ремешок», «Маска»), привычки персонажа («Скука жизни»), непригодности очков для использования («Новогодние великомученики»), сознательного использования персонажем очков как ширмы, скрывающей глаза («Случай из судебной практики»). В более поздних произведениях Чехова очки по значению и функции сближаются с пенсне. Они сохраняют атрибутивную семантику, к которой добавляются новые смыслы. Так, тёмные очки – одна из вещей Беликова (рассказ «Человек в футляре»), приобретающая здесь также смысл «футлярности», закрытости персонажа от внешнего мира.

Микроскоп тоже наделен в текстах Чехова семантикой «футляра», отъединяющего персонажа от внешнего мира, резко сужающего зону его видения (Петр Игнатьевич в повести «Скучная история»). Семантика взгляда, пропущенного сквозь линзы микроскопа, схожа в художественном мире Чехова со смысловым потенциалом рассматривания

отдалённых объектов в телескоп. В раннем чеховском рассказе «Летающие острова» микроскоп и телескоп выступают в качестве атрибутов персонажа, чья профессия - учёный, который, тем не менее, не видит известного и очевидного, а также не может создать ничего нового. В телескоп здесь персонажи либо не могут ничего увидеть, либо видят то, что доступно для наблюдения и без обозначенного оптического прибора.

Бинокль, упоминаемый в текстах Чехова, также своей прямой роли не выполняет («Смерть чиновника», «О любви»).

Лорнетка упоминается в рассказе «Дама с собачкой». Она принадлежит героине и выступает в роли аксессуара, наряду с веером. Анна Сергеевна сначала смотрит в нее, а затем теряет. Оптический инструмент на самом деле не нужен персонажу, но манипуляции с вещью обнаруживают внутреннее состояние её обладательницы.

Семантика инструментального зрения в художественной прозе Чехова – дистанцирование между миром и субъектом, неспособность расширить поле зрения, неистинное видение. Несоответствие смыслов, продуцируемых инструментальным зрением в письмах и художественной прозе Чехова, объясняется тем, что потребность в оптическом инструменте осмысливается писателем как нечто вынужденное, связанное исключительно с телом и не касающееся внутренней сути человека. Неэффективное или нецелесообразное использование оптических инструментов выражает в поэтике Чехова тот смысл, что механически вписаться в мир нельзя, для этого необходима глубокая внутренняя работа по осмыслению мира.

В четвертом параграфе рассматриваются виды зеркал, их семантика. В ранней художественной прозе Чехова доминируют кривые зеркала («Кривое зеркало», «В пирульне»). Зеркало с признаками кривизны встроено в чеховский мир, в котором отступление от нормы становится нормой, и кривые отражения вполне закономерны, не нарушают привычной обстановки. Бытовое зеркало в более поздних произведениях писателя сохраняет семантику лживости, заблуждения, которой обладало кривое зеркало в ранних рассказах Чехова. Зеркала в зрелых рассказах и повестях Чехова нередко появляются в те моменты, когда персонажи переживают наплыв чувств, когда они близки к ситуации совершения ошибки. Взгляд в зеркало для чеховских персонажей – способ самообмана, обретения временного успокоения. В тексте при этом возникает ситуация намеренного скрывания персонажем своего внутреннего состояния. Несоответствие между истинным и мнимым позволяет сделать заключение о кривизне жизни таких персонажей, чьи поступки метафорически можно соотнести с отражениями в кривом зеркале.

Отражения в водном или ледяном зеркале сопряжено в текстах Чехова с образом солнца, не позволяющим из-за слепящего блеска чётко рассмотреть созерцаемое. Но в чеховской

системе координат такой взгляд наделяется глубиной проникновения, обладает истинной проницательностью, поскольку всё ненужное, масочное, ложное растворяется в этом блеске. Отражается при этом только источник света, отражения же объёмных предметов в воде в произведениях Чехова почти не встречаются. Данный вид зеркал характерен для позднего периода творчества Чехова.

В третьей главе **«Семиотика визуальных искусств в прозаических текстах Чехова»** анализируются образы визуальных искусств, а также визуальные модели, связанные с развитием сюжета в чеховских рассказах и повестях.

Первый параграф представляет собой интерпретацию образов картины, гравюры, иконы и фотографии. В ранних рассказах Чехова упоминаются комические картинки, а также обыгрываются метафорические картины, которые могут быть «прочитаны» одновременно через вербальный, живописный и театральный смысловой ряды («Новогодние великомученики», «Неудачный визит», «О бренности» и др.). В зрелых же текстах писателя содержится упоминание или описание собственно картин, изображения на которых соотносятся с сюжетной линией рефлектирующего героя, осмысляющего свои взаимоотношения с миром. Эскизы, наброски, неосуществлённые замыслы картин и рисунков указывают на несовершенство тех персонажей, которые не могут завершить свою работу, либо же на некоторую незавершенность, прочитываемую в их сюжетных линиях («Художник», «Попрыгунья» и др.). В большинстве случаев в чеховских текстах с упоминанием картин связана семантика ложного видения, что задано либо характеристиками самой картины, либо особенностями видения наблюдателя (незаинтересованный, поверхностный взгляд; перенесение на созерцаемое отрицательных эмоций). Однако в художественной прозе Чехова есть пример и подлинного видения, сопряжённого с расширением поля видения и ситуацией воображения. Таков фрагмент из повести «Три года», в котором Юлия рассматривает пейзаж на картинной выставке.

Лубок или народная гравюра дается крупным планом в рассказах о героях-странниках. Народная гравюра вписана при этом в интерьер станции, промежуточной точкой между началом и завершением пути героя. Лубочное изображение здесь связано с указанием тех смысловых координат, по которым может развиваться сюжетная линия героя. Тематика лубков религиозная и историческая. В частности, упоминается народная гравюра с изображением фрагмента жития старца Серафима, кормящего медведя. Данное изображение или его следы есть в рассказах «На пути», «Оба лучше», «На Страстной неделе», «Степь».

Икона в рассказах и повестях Чехова выступает в основном как образ десакрализованный. Она может быть потемневшей («Ванька», «Печенег»), размещенной в непосредственной близости от бутылочных ярлыков («Мужики»), ее «заместителем» может

выступать бутыл с медицинским раствором («Хирургия»). Ценностной альтернативой данному образу является сакральный образ иконы, возникающий в поздних чеховских текстах. Такая икона связана с эмоциональной сферой персонажа, взгляд на нее порождает умиление и радость. Сакральный образ иконы сопряжен с воспоминанием персонажа о своем детстве (Анисим из повести «В овраге», преосвященный Петр из рассказа «Архиерей»).

Фотография в текстах Чехова может «заимствовать» функции кривого зеркала, передавая искаженное изображение («Юбилей»). В том случае, если изображение остается четким, возможно использование фотографии не в прямой ее функции («Винт»), либо для достижения персонажем личных – карьерных – целей («Цветы запоздалые»).

Во втором параграфе представлен анализ визуальных моделей зрелища и театра. Зрелище как визуальная модель функционирует в ранних рассказах Чехова. В центре него – комическое событие, группирующее вокруг себя зрителей, в качестве которых при стихийно возникшем зрелище выступает толпа. Толпа – активный участник в развитии действия. Будучи моделью многоточечной фиксации взгляда, толпа в форме отдельных реплик обнаруживает неодинаковое видение случившегося участниками сюжетной ситуации. Преломления оценки увиденного, осуществляющиеся по мере подачи реплик из толпы, организуют движение сюжета («Хамелеон», «Скорая помощь» и др.).

Визуальная модель театра предполагает разделение видимого на явное и скрытое. Театр здесь – скорее метафора, подразумевающая проникновение взгляда наблюдателя в метафорическое закулисье, способность видящего узреть неявное как результат осмысления своих взаимоотношений с миром. Метафора закулисья появляется в позднем рассказе Чехова «Крыжовник», однако и в других поздних чеховских текстах есть установка на созерцание наблюдателем – рефлектирующим героем – невидимого мира, скрытого от поверхностного взгляда обывателя.

В настоящем разделе анализируются также различные виды зрелищ и театрализация, захватывающая разные уровни организации текста.

В заключении подводятся итоги работы и определяются перспективы исследования. Анализ чеховских текстов, а также трудов чеховедов, касающихся нашей проблемы, позволил нам по-новому оценить роль визуальных образов в системе творчества Чехова. Визуальные образы здесь – носители субъективного видения мира наблюдателя. Визуальный образ представляет собой репрезентацию внутреннего, духовного состояния видящего – персонажа или повествователя.

Взгляд наблюдателя чрезвычайно активен. Он направлен в мир, элементы которого данный взгляд подвергает комическому обыгрыванию в ранних рассказах Чехова и серьезному осмыслению в зрелых текстах писателя. В первом случае выявляется

алогичность мира, во втором – неписанность рефлектирующего героя в бытие и стремление вписаться в него.

Исследование направленности взгляда дало богатый материал для изучения чеховского сюжета. Внутренние события, происходящие с героями Чехова, зачастую совпадают с моментом обращения взгляда на тот или иной объект видения. Кроме того, направление взгляда позволяет определить местоположение героя, а также охарактеризовать само пространство, в котором помещён герой.

Подробное изучение визуализации пространства показало, что границы поля видения наблюдателя подвижны. Поле видения расширяется в тех случаях, когда герой или повествователь созерцает панораму, смотрит через окно или стеклянную дверь. Расширение поля видения в ментальном плане увязано с ситуациями удивления, воображения, воспоминания, а сужение такого поля – с состояниями скуки и привычки, ситуацией забвения. Модификации, происходящие с полем видения, отражают процессы, протекающие в душе наблюдателя, его движение по пути к прозрению как внутреннему событию. К тому же, изменения поля видения связаны с поэтикой света и цвета. Мир, насыщенный солнечным светом, раскрывается перед взглядом наблюдателя. Однако цвет у Чехова чаще всего – смесь света и тьмы, это цвет, приглушенный сумерками, пылью и т.п. Всё это задаёт различную степень суженности поля видения.

Способы и средства видения в текстах Чехова открывают наблюдателю значимость его собственной активности, без которой, к примеру, использование всевозможных оптических инструментов становится бесполезным. Переживаемые наблюдателем оптические иллюзии показывают, что герой находится в состоянии заблуждения. При разоблачении иллюзии ему даётся шанс преодолеть заблуждение, но эта возможность может остаться нереализованной.

В ранних рассказах писателя наблюдатель внедрён в толпу (модель зрелища), а в поздних рассказах и повестях это отдельный рефлектирующий персонаж (модель театра), для которого важно открыть скрытое от поверхностного взгляда.

Визуальная сфера в чеховских текстах «живая», подвижная. Её конкретное наполнение меняется в зависимости от активности или пассивности взгляда видящего, направления взгляда и от тех границ видения, которые открыты взгляду. Кроме того, сложность «прочтения» визуальных образов усилена в текстах Чехова и тем, что видимое нередко предстаёт перед взором наблюдателя многофокусно, то есть одни и те же объекты оказываются данными с разных точек зрения или показанными через преломление некоторой заданной точки зрения на объекты. Проявляется это как на уровне организации повествования, так и на уровне воплощённых в текстах Чехова визуальных моделей зрелища и театра, предполагающих множество зрителей.

Чеховские наблюдатели видят мир неодинаково: различны активность их взгляда, глубина видения, модификации поля видения, способность эстетически переживать образы визуальных искусств. Степень приближенности к событию прозрения или удалённости от него у каждого своя. При этом отчётливо различимы зоны видения рефлектирующего героя и героя-обывателя. Обыватель «существует» в области поверхностного видения, а рефлектирующий персонаж способен изменять своё видение мира, делать его более глубоким, чем прежде. Для рефлектирующего героя, как и для героя-ребёнка, процесс видения становится актом открытия, постижения мира. Напротив, обыватель живёт в мире, который хорошо ему известен, а потому видение для него – лишь выражение собственных «футлярных» представлений о мире.

Таким образом, визуальность принадлежит к одной из доминантных сфер чеховского художественного мира. С визуальностью связаны у Чехова принципы изображения художественной реальности, выстроенность поля видения, реализованного в пространстве, особая роль визуальных образов, фигура наблюдателя.

Проделанная работа перспективна для изучения визуальной сферы в творчестве других авторов, для исследования взаимодействия визуальной сферы с другими перцептивными сферами в текстах Чехова, а также для более глубокого анализа образной системы, в частности, образов различных видов искусств в художественном мире Чехова.

По теме диссертации опубликованы работы:

а) статья в рецензируемом ВАК издании:

1. Сузрюкова, Е.Л. Суженное поле видения в художественной прозе А.П. Чехова / Е.Л. Сузрюкова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2009. – №3 – С.42-45. (0, 4 п.л.)

б) статьи в сборниках научных трудов, материалов конференций и др.

2. Сузрюкова, Е.Л. Театральность в рассказах А.П. Чехова второй половины 80-х годов XIX века / Е.Л. Сузрюкова // Молодая филология. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2007. – С. 55-57. (0, 3 п.л.)

3. Сузрюкова, Е.Л. Визуальные образы в рассказе А.П. Чехова «Лев и Солнце» / Е.Л. Сузрюкова // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе. Материалы III Всероссийской с международным участием научной конференции (7-8 февраля 2008 г.). – Томск: Издательство ТГПУ, 2008. – С. 131-134. (0, 3 п.л.)

4. Сузрюкова, Е.Л. Система зеркальных отражений в художественной прозе А.П. Чехова / Е.Л. Сузрюкова // Аспирантский сборник НГПУ. – 2007. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2007. – Ч.2. – С. 98-103. (0, 4 п.л.)

5. Сузрюкова, Е.Л. Народная гравюра в художественной прозе А.П. Чехова / Е.Л. Сузрюкова // Молодая филология. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2009. – С. 99-104. (0, 3 п.л.)
6. Сузрюкова, Е.Л. Оптические иллюзии в художественной прозе А.П. Чехова / Е.Л. Сузрюкова // Аспирантский сборник НГПУ, – 2009. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2009. – Ч.1. – С. 183-190. (0, 6 п.л.)

